

ные (по свидетельству современников) приемы.

Итак, есть все основания считать, что в 1820 – 1830-х годах Пушкин бывал в домах Закревских, встречался с ними у общих знакомых. Пленительный образ одной из красивейших и обаятельнейших женщин своего времени волновал поэтическое воображение поэта.

Пушкин, безусловно, знал об увлечении Закревской П. А. Вяземского и Е. А. Баратынского. Оба посвящали ей свои стихи: «Как влекла к себе всеильно ее живая красота!» – признавался Баратынский. «Медной Венерой» назвал Закревскую П. А. Вяземский, любуясь ее рослой, крупной фигурой, как бы отлитой из бронзы, яркой красотой ее лица.

1-го сентября 1828 года Пушкин писал П. А. Вяземскому: «Я пустился в свет, потому что бесприютен. Если бы не [Закревская], твоя медная Венера, то я бы с тоски умер. Но она утешительно смешна и мила. *Я ей пишу стихи*» (Пушкин А. С. Письма. – М.; Л., 1928. Т. 2. 1826 – 1830. – С. 55).

В октябре 1828 года П. А. Вяземский пишет А. И. Тургеневу: «Пушкин целое лето кружился в вихре петербургской жизни, воспевая Закревскую». Да, у поэта всегда была обостренная потребность в дружеском, любовном, духовном общении. Всегда была жажда понимания, дружбы, любви. Своей новой музе, молодой графине, Пушкин посвящает стихи «Наперсник» (1828), «Когда твои молодые лета» (1828), «Счастлив, кто избран своенравной» (1829).

Закревская становится прототипом Зинаиды Вольской – героини прозаических повестей Пушкина «Гости съезжались на дачу» (1828) и «Мы проводили вечер на даче» (1835).

В повести «Гости съезжались...» Минский почти повторяет слова пушкинской записки Вяземскому: «...я просто ее наперсник... Но я люблю ее от души – она уморительно смеш-

на». Автор пишет о Зинаиде: «В ней много хорошего... у ней пылкое сердце, романтическая голова», упоминаются ее искренность, неожиданные проказы, детское легкомыслие. Пушкин отмечает у Минского и Вольской «некоторое сходство характеров». Она выказывает пренебрежение свету. Известно, что поэт также тяготился иногда светскими традициями и нравами. Вот откровение Пушкина-Минского – «Он не любил света, но не презирал, ибо знал необходимость его одобрения...», и далее – «Вольская нравилась ему за то, что она осмеливалась явно презирать ему ненавистные условия. Он подстрекал ее ободрением, советами... и вскоре стал ей необходим». Удивительно автобиографичны эти образы – Вольской и Минского! Впрочем, как известно, творчество любого поэта субъективно и автобиографично.

Пушкин с открытой душой порицал двор, его праздность, бездушные интриги, но ведь и сам он был человеком светским, и когда поэт появлялся в Москве, где жили его испытанные друзья, он не мог ни почувствовать свою органическую взаимосвязь со столицей. Театры, концерты, различные салоны (у Хитрово, Лавалей, Фикельмонов, Олениных), – везде он мог общаться с «Грушенькой Толстой», как звали ее в девичестве. Она обожала тонкий язык поэзии, хорошо чувствовала художественную сторону жизни, сущность искусства, ценила в людях «острый ум». Была прекрасно образована – ведь в доме была великолепнейшая библиотека отца. Закревская была жизнерадостна и остроумна, обладала большим чувством юмора. Это сближало с ней поэта. Современник пишет, что Пушкин «необычайно живой в своих приемах, часто смеющийся в избытке непринужденной веселости».

Дочь певца Козлова любит поэта: «Входит Пушкин – веселый, милый, радостный». Карл Брюллов восхищается: «Какой Пушкин счастливеец, так смеется, что словно кишки видны». А. М. Языков подтверждает: